



Виктория
Старкина

САТА
ВЕРЕСКА

18+

Виктория Старкина

Сага вереска

Серия «Легенды Британии», книга 1

<https://litres.ru/64081847>

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-95152-5

Аннотация

В древние времена темный альв полюбил земную женщину и стал смертным. Он похитил волшебные три сокровища, что принадлежали его роду, и отдал ей как свадебный дар. Владея сокровищами, его потомки возвысились над остальными людьми и стали старшими рода, несокрушимыми в битвах воинами, хранимыми магией темных альвов и щитом Одина. Однако ходили слухи, что эти сокровища приносят лишь несчастья и однажды погубят славный род воителей. Одному из них, конунгу небольшого скандинавского племени, хэкса-колдунья предсказала необыкновенную судьбу: он покорит британские острова, откроет новые земли, станет королем, обретет любовь, а потом лишится всех сокровищ, чтобы обрести то, ради чего появился на свет. Неидеальные герои. Порой аморальные поступки.

Содержание

Пролог	4
Часть первая. Скандинавия	6
Глава 1. Драккар	6
Глава 2. Бломме	21
Глава 3. Хэкса	42
Часть вторая. Северные острова	59
Глава 4. Хэзер	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Виктория Старкина

Сага вереска

Пролог

Когда остаешься один в северных горах и поднимаешься на их пологие пики, когда слушаешь громоподобные удары волн, разбивающихся о прибрежные камни, смотришь на блестящую, словно голубое зеркало, гладь фьорда, вдыхаешь воздух, свежий, прозрачный, кристально-чистый, не приносящий никаких запахов, кроме единственного – холодного запаха снега, наступает момент, и ты понимаешь: нет никого. Ни людей, ни животных, ни птиц. Ты один. Море остается далеко внизу. Его шум стихает.

Тогда ты ложишься на мягкую траву, устилающую вершину горы, и, чтобы не сойти с ума от звенящей тишины, поневоле начинаешь прислушиваться. И мало-помалу различаешь сначала шорох трав, падающие где-то вдалеке капли воды... После внимание приковывают еле слышные звуки, как если бы постукивание, шуршание. Ты недоумеваешь, пытаешься угадать природу этих звуков, и вдруг понимаешь, что это ветер колышет вересковые кусты, и, ударяясь друг о друга, тонкие веточки издают тихий перестук. Если слушать долго-долго, забыв обо всем прочем, звуки начинают склады-

ваться в язык, которого не понимаешь. Как если бы фиолетовые цветы пытались поведать о чем-то ... А дальше, если уж удалось разобрать отдельные слова, – вереск не остановить. Он расскажет, о чем слышал когда-либо, ведь каждый куст знает все, что знает вереск, растущий сейчас или увядший прежде.

О событиях, что произошли столетия назад. О холодных морях и бушующих волнах. Об изумрудно-зеленой траве северных островов и о кровавых реках, что проливались здесь. О набегах викингов и о сокровищах эльфов, оставленных у берегов высоких скал. О великой любви и великом горе. Историю, искаженную древней памятью и наивным изложением цветка.

Историю забытую и воскрешенную.

Сагу, рассказанную вереском.

Часть первая. Скандинавия

Глава 1. Драккар

Всадник в богатом цветном плаще, расшитом золотом, подпоясанный крашенным в красный цвет кожаным ремнем, что могли позволить себе только очень знатные воины, остановил коня на вершине утеса, возвышавшегося у входа в узкий фьорд. Этот фьорд получил название Сванфьорда, потому что изогнут был, словно лебединая шея. Название пошло со старых времен, когда здесь жили древние племена, которых давно никто не помнил. А может, его придумали всемогущие асы: ведь кто лучше богов может давать имена.

Конь забил копытами у самого края, дальше в море уходила отвесная каменная стена. Всадник был молод, на вид чуть более двадцати, и очень красив: голубые глаза, смотревшие прямо и смело, чуть женственное лицо, четко очерченные брови, пока еще гладкие щеки. Его длинные светлые волосы были распущены по плечам, а у виска, как принято, заплетены в тонкую косу, заведенную сейчас за ухо.

Внимательно вглядывался он, прищурившись, в сверкающую на солнце синеву фьорда, но не любовался волшебством морского зеркала, нет – ему показалось, что на горизонте он видит крохотную точку. Птицу с такого расстоя-

ния не разглядишь, как и тюленя! Китов в это время года не бывает. А значит – только одно остается. Корабль! Но чей? Идут ли враги с войной или возвращаются ушедшие воины с богатой добычей? И долго-долго он вглядывался в эту темную точку, прежде чем отчетливо различил, наконец, с детства знакомый хищный силуэт красного драккара. А потом с радостным ликованием развернул коня и помчался обратно во весь опор, громко крича на ходу:

– Корабль во фьорде! Корабль во фьорде! Они возвращаются!

Едва юноша остановился во дворе невысокой усадьбы, однако довольно-таки просторной, что выдавало жилище человека небедного, как ловко спрыгнул со своего вороного коня, которого тотчас забрали слуги – рабы, захваченные в прошлых удачных походах. Сейчас скакун был весь в мыле, и его следовало напоить и почистить.

– Матушка! – крикнул между тем юноша темноволосой женщине, спускавшейся к нему с крыльца, – Матушка! Это они! У них красные щиты на драккарах! Они идут с победой!

– Чудесно, Олаф! – на лице женщины вспыхнула гордость, – Я знала, что мой сын вернется с победой. Такие воины не могут проигрывать.

– И я так говорил! – радостно подхватил Олаф. Долго, слишком долго мечтал он о возвращении брата из затянувшегося похода! Почти два года прошло, как тот уплыл! И так желал отправиться с ним! Но кто-то должен был оставаться

в усадьбе, приглядывать за женщинами. Да брат и ограждал Олафа от тягот войны, от возможной безвременной смерти, это было ясно, как день, и оттого вызывало еще большую досаду. Ведь он уже не ребенок!

А вокруг раздавались радостные крики – жители поселения, услышав, что викинги возвращаются с победой, ликуя, высыпали из домов, бросились к воротам, а некоторые помчались и к берегу. Ведь шли домой их отцы, мужья, братья! Кто-то вернется назад, а кто-то уже сейчас пирует с богами в палатах павших, и его нога никогда не ступит на эти земли.

Драккары медленно подплывали к самому узкому месту – лебединому клюву, здесь фьорд заканчивался и начинался подъем к поселению. На носу корабля, идущего впереди, стоял мужчина с длинными, заплетенными в косы рыжими волосами, непослушными, жесткими и такой же рыжеватой бородой, с колючим и возможно излишне уверенным взглядом зеленовато-карих глаз. Все в нем выдавало предводителя: широкие плечи, сильные руки, каждый жест, каждый поворот головы, и даже легкая полуулыбка, с которой смотрел он на приближающийся родной берег. На вид ему было около тридцати. Но в отличие от брата, который казался еще почти мальчиком, этот был уже зрелым воином, много повидавшим и выигравшим немало сражений. Его ладони загрубели от меча и веревок, кожу обветрил холодный морской ветер, а лоб избороздили ранние морщины. В глазах же его застыли колючие льдинки, которые уже никогда не растают.

Такие бывают у тех, кому довелось видеть много смертей: друзей и родных. И у тех, кто убивал сам. Кто видел огни пожарищ над селами и городами, что зажигала его не знающая милосердия рука. Он мог показаться суровым и даже безжалостным, но ведь таким и должен быть конунг.

Чуть позже, когда драккар ударился днищем в песок, спрыгнув на берег, конунг уже обнимал младшего брата, что вырос и возмужал, пока его не было, но все еще оставался ребенком – у мальчика не было ни щетины на лице, ни колючих льдинок в глазах. И лучше. Пусть их не будет как можно дольше!

– Рад видеть тебя брат, живым и невредимым! – Олаф крепко прижал конунга к себе.

– Будет, будет, раздавишь! – тот со смехом освободился. – Пойдем-ка, проводишь меня к дому. Соскучился по родному очагу. Мои люди пусть разгружают добычу.

Олаф радостно кивнул и, не в силах перестать обнимать брата за плечи, отправился за ним наверх, к лошадям. Вдвоем, опередив остальных, они в миг добрались до усадьбы, где уже ждала сыновей кюна Ингрид.

Мать чуть постарела, но все равно еще была хороша, особенно в этом новом цветном платье, специально надетом в честь их возвращения, с уложенными вокруг головы темными косами. Отец, конунг Освальд, такой же светловолосый и пригожий лицом, как Олаф, много лет назад захватил ее в плен на островах бриттов. Сначала она была простой юной

рабыней, а после как-то незаметно превратилась в жену конунга и мать его сыновей. Все звали ее Ингрид, но это было имя, данное здесь, как звали ее прежде, в родных краях, не знал никто.

Конунг Освальд пожелал назвать обоих сыновей именами, начинающимися с той же буквы, что и его собственное имя, а фамилий тогда не существовало. И их звали Онн и Олаф. Когда отец погиб в битве с германцами, Онн стал конунгом вместо него, к тому времени уже зарекомендовав себя отличным воином, не ведающим страха и не знающим поражений.

Тем временем, прибывшие викинги и челядь уже разгружали драккары, перетаскивали добычу во двор конунгова дома, где потом она будет разделена между всеми участниками похода, а Олаф дивился богатству, какого никогда не видел прежде, прижимал ладони к лицу, цокал языком, не в силах сдержать восхищения, а потом снова крепко обнял старшего брата.

– Ты настоящий воитель! – с восхищением воскликнул он. – Я всегда это знал, но ты доказал и тем, кто сомневался! Такой богатой добычи мы не видели еще никогда!

– Знаю, – усмехнулся Онн, и льдинки снова блеснули в его зеленых глазах. – Но не только добыча – и сражения были жаркими. Мы много чего перенесли. Однако не горюй. И на твою долю невзгод хватит!

С этими словами он ласково потрепал Олафа по щеке. Тот вспыхнул, смущенный, что брат так точно угадал его мыс-

ли и хотел спросить что-то еще, но Онн уже не смотрел на него. Конунг смотрел на девушку, служанку, что пересекала двор: стройная и очень юная, одетая в бледно-голубое длинное платье, которое удивительно шло к глазам, ее волосы были заплетены в толстую косу, что спускалась почти до колен, а цветом могла соперничать с серебристыми лучами луны. Что за удивительная красавица! Откуда она здесь?

Онн ловко схватил проходившую девушку за локоть, та, вся вспыхнув, вырвалась, опуская глаза, и шарахнулась прочь.

– Эй, погоди! – со смехом крикнул ей Онн, – Ты прекрасна как сама Фрейя! Постой! Неужели, у тебя не найдется и минутки для своего конунга, вернувшегося с победой?

Смущенная, та остановилась, испуганно хихикнула. Но продолжить они не успели, строгий окрик Ингрид прервал этот не успевший начаться разговор.

– Онн! – крикнула мать. – А ну, оставь девушку! И подойди ко мне! А ты, пошла отсюда!

Девушка, все еще хихикая, помчалась прочь, прижимая ладони к покрасневшимся от волнения щекам, а Онн приблизился к матери и крепко обнял ее. Он тосковал по материнским объятиям и любил суровую Ингрид, как и она любила старшего сына, выросшего великим воином.

– Что случилось, матушка? – ласково спросил он, и даже льдинки в его глазах были теперь не так заметны.

– Сколько это будет повторяться! Хватит, идем в дом, –

приказала Ингрид, все еще осуждающе качая головой. Ей не нравилось, что старший сын продолжал волочиться за служанками, вместо того, чтобы, как положено, взять себе одну жену.

Они вошли в темный дом, через конюшню и людские помещения и оказались в просторной зале, где жарко полыхал очаг. Онн опустился на скамью, вытянул ноги и устало прислонился к стене. Наконец, он дома. Поход окончен. Ингрид села рядом и сжала руку сына.

– Устал? – понимающе спросила она.

Онн прикрыл глаза и кивнул. Она ласково погладила его по волосам.

– Ты молодец, мой сын, – тихо сказала она. – Ты пришел с победой. Как там было?

– Не всегда просто, – откликнулся конунг. – На то и битва. Многих мы потеряли, но и враги – немало... были и славные мгновения. Я увидел другие земли, конечно, не такие дальние, как те, что за морем, о которых сказывал отец, но все же...

И так они сидели долго-долго в молчании, им всегда было хорошо молчать вдвоем, а потом Ингрид вдруг поднялась.

– Раз уж так вышло, раз ты вернулся с победой, мне нужно кое-что показать тебе, не стану откладывать больше, – сказала она. – Идем со мной.

Разомлевший от тепла залы, конунг неохотно поднялся. Ему не хотелось никуда идти, но разве же переспоришь мать!

Себе дороже. К его удивлению Ингрид пошла по коридору в сторону кухни, а после отворила тяжелую дверь в подпол, не забыв засветить факел. Массивную связку ключей женщина повесила обратно на пояс, никто кроме самой кюны не мог ходить в этот подвал, и то было не случайно! Онн знал причину. Спустившись по каменным, высеченным в теле скалы ступеням, Ингрид зажгла факелы на стенах, после чего Онн закрыл дверь, ведущую наверх. Теперь здесь было светло и просторно. Теперь их никто не мог потревожить.

В большом помещении у стен стояли четыре одинаковых железных сундука с закрытыми крышками. Кюна повернулась, свет факелов озарял ее лицо и отражался в больших темных глазах.

– Здесь мы храним сокровища нашего рода, – Ингрид взглянула на сына. – Твой отец завещал, что они перейдут к тебе, когда докажешь, что являешься достойным конунгом своего племени. Ты это доказал, мой сын, теперь они твои.

На лице Онна мелькнула глумливая усмешка: его немало позабавил серьезный и торжественный тон матери. А потом он небрежным жестом поднял крышку одного из сундуков, полного золотых и серебряных кубков, блюд и цепей.

– Жаль огорчать тебя, дорогая матушка, – весело рассмеялся конунг, – Но признаюсь, я уже неоднократно видел все это. Ведь я уже спускался сюда прежде. И брал в руки каждый драгоценный предмет из этих сундуков!

Вопреки ожиданиям, лицо матери осталось суровым, кю-

на не рассмеялась в ответ, но в ее глазах вспыхнуло странное превосходство, и она передернула плечами.

– Разумеется, я не так глупа, сын мой, чтобы не знать этого! Ты с твоим характером, да не проник бы в сокровищницу! Да не украл бы ключи у матери! Да не открыл бы сундуки! Да не нарушил бы родительских запретов! Ты привык слушать лишь себя и в этом ты – истинный конунг! Но сейчас послушаешь меня. Все, что есть в сундуках, – сущая безделица. Пустяки. Я же должна показать тебе истинные сокровища нашего рода. Их всего три.

С этими словами Ингрид вдруг открыла неуловимым движением потайную нишу в стене, откуда, к изумлению сына, вытащила небольшую шкатулку и протянула ему.

– Теперь ты – наш предводитель. Старший рода, – торжественно произнесла женщина, довольная произведенным эффектом, – И эти сокровища твои по праву.

Чувствуя, как сердце забилося быстрее, Онн взял шкатулку из рук матери и распахнул ее, медлить было не в его характере: он никогда не задумывался, не рассуждал и не останавливался. Нрав конунг имел решительный и непримиримый.

Первым, что привлекло внимание, был удивительной красоты золотой браслет, работы настолько тонкой, что Онн, не сдержавшись, вскрикнул от восторга.

– Да, ты прав, – мать угадала невысказанный вопрос. – Они сделаны не руками людей.

Далее Онн вытащил золотую корону, всю усыпанную рубинами и бриллиантами, а после – короткий меч, с рукоятью, украшенной белым и желтым золотом.

Конунг примерил браслет и корону, несколько раз взмахнул мечом, который, хоть и был легким и совсем коротким, оказался ему по руке.

– Есть легенда, что эти сокровища приносят несчастье, – продолжала между тем мать, – Но глупости. Они передаются в нашем роду издавна, от конунга к конунгу, и восходят к королю темных альвов, основавших наш род. И однажды ты отдашь их своему старшему сыну, когда жена подарит его тебе. Ты ведь уже думал о женитьбе?

– Не думал и подумаю нескоро, – откликнулся Онн, продолжая рассекать воздух мечом. Клинок нравился ему все больше и больше.

– Напрасно, – сухо заметила Ингрид, – Пора бы тебе прекратить развлекаться с пастушками да служанками и подумать о наследниках. Ты должен взять в жены девушку из знатного рода!

В ответ Онн скорчил матери смешную гримасу, слишком поздно угадав, что это может обидеть ее.

– Я хоть и рабыня, но мой род был – не хуже вашего, – с достоинством парировала мать. Она необычайно умна для женщины, неудивительно, что сам конунг сделал ее законной женой!

– Я не хотел обидеть тебя, мама, – ответил Онн примиренно.

тельно, – Извини. Просто пока не думал о супружестве.

С этими словами он снова повернулся к сундукам, разглядывая свои сокровища. Ему нравилось думать, что их род ведет происхождение от темных альвов – отсюда его храбрость, непримиримость и жестокость. Отсюда ярость, что охватывает его в битвах, словно берсерка, бесконечная жажда новых побед, что не оставляет никогда! Это от них, от властителей подземелий, что сковали самого Фенрира! Конунг в задумчивости разглядывал сокровища, оставшись и после того, как мать ушла.

Наверху слуги все продолжали разбирать добычу, а Олаф командовал ими, казалось, мешкам с награбленным добром не будет счету! Их таскать – не перетаскать! Наравне с мужчинами работали и женщины, так было заведено у викингов – никакого разделения. И среди них: три молоденькие девушки, одна из них, та, которую чуть раньше Онн сравнил с богиней Фрейей, действительно, выделялась на фоне подруг необычной красотой – казалось, девушка излучает внутренний свет, или же это из-за ореола, что создавали платиновые волосы, окружавшие лицо? И вся она выглядела неземной, хрупкой, словно была светлой альвой, а не женщиной: и ее синие глаза, сияющие, как зеркало фьорда, и белая, будто первый снег, кожа, и это ясное лицо, – все в ней привлекало внимание, поражало, словно меткая вражеская стрела, не позволяя отвести взгляд.

– Как красив молодой принц, – вздохнула между тем ее

подруга, та, что была с веснушками на широком курносом носике, – Что скажешь, Хильде?

– Аж дух захватывает! – подхватила темноволосая смешливая девица, что назвали Хильде, – Второго такого нет во всей Скандинавии! Я бы с радостью подарила ему поцелуй! И не один! А что ты скажешь, Бломме? Ты всегда молчишь, хоть раз скажи что-нибудь!

Она повернулась к светловолосой красавице.

– Такие не нравятся мне, – холодно отрезала та. – Он задирает нос и думает лишь, как хорош собой! Глядится в начищенное блюдо... А сам не заслужил еще славы в боях! То ли дело наш конунг...

Переглянувшись, ее подруги звонко расхохотались.

– Скажешь тоже! Ишь, на конунга смотрит, – воскликнула Хильде. – С ним, говорят, надо осторожнее!

Громкий смех привлек внимание Олафа, который, завидев девушек, приблизился.

– Эй, погоди! – окликнул он красавицу, словно не заметив ее веселых подружек, – Ты же Бломмеман, да? Подожди!

Подруги с хохотом бросились в стороны, но Олаф уже схватил Бломме за руку, которую та с негодованием вырвала и, гордо вскинув голову, взглянула на него своими ясными синими глазами.

– Как поживаешь, Бломме? – спросил растерявший вдруг всю свою храбрость Олаф, просто чтобы хоть что-то спросить.

– Хорошо, принц, спасибо. Как и все радуюсь добыче, – она опустила голову, чтобы не смотреть на него: служанке смотреть на знатного мужчину было бы неприлично.

– Ты особенно красива сегодня, – продолжил тот, его голос стал чуть тише, он говорил так, чтобы слышала только она.

– Я такая же, как другие.

– Нет, не такая! – с излишней горячностью прошептал Олаф. – Послушай, приходи сегодня вечером к старому дубу, что в поле. Я подарю тебе пояс с золотой пряжкой. И платье, как у благородной девушки.

– Мне не нужно платье благородной девушки, – резко перебила Бломме, отступая на шаг назад, – Я всего лишь дочь бедного земледельца.

– Все равно приходи, – упрямо продолжил Олаф, и девушка снова подняла глаза, на этот раз их взгляд был холоден. Она и сама не знала, откуда взяла смелость, чтобы так ответить ему!

– Принц Олаф, ты преследуешь меня уже давно. Но ведь я попросила тебя оставить меня! Не нужно играть. Не нужно шутить. Пусть я и бедна, но честная девушка, и без надобности мне твои подарки!

С этими словами она повернулась, от чего ее коса взметнулась, и пошла прочь, а Олаф еще долго провожал девушку взглядом, с досадой глядя вслед.

Он не хотел обидеть красавицу, и против воли, обидел.

Олаф вздохнул, любой скажет, что он не умеет обращаться с женщинами, ни с благородными, ни со служанками – и будет прав. Ведь он еще слишком молод. Олаф знал, что девицы заглядываются на него, знал, что считается самым красивым парнем в округе, об этом часто говорила и матушка. И однако, чувствовал себя в присутствии женщин неловко: его смущал их смех, то, как они все время ходят стайками, хихикают, переглядываются, подшучивают над мужчинами. Бломме была другой, но она и пугала его больше прочих. Он заранее придумывал, подбирал выражения, чтобы подойти к ней, но стоило девушке приблизиться – принц забывал обо всем на свете, краснел, смущался и не мог связать двух слов. И зачем он сказал про пояс и платье? Но не мог же он сразу взять, да посвататься к служанке? Нет, такое невозможно. Но и жизни без нее себе не представляет. Бломмеман молод, пройдет совсем немного времени – и на тинге она выберет себе мужа, войдет в дом одного из викингов, может быть, даже знатного родом, ведь глядя на ее редкую красоту, можно и забыть, что она простая служанка. Брат прав, девушка хороша, как богиня, как сама Фрейя!

А что же делать ему? Остается лишь заговаривать с ней вот так, во дворе, смотреть на нее, вздыхать и надеяться, что однажды она все же сменит гнев на милость, привыкнет к его ухаживаниям и согласится прийти ночью в поле. Там он расскажет ей о своих чувствах, там они, наконец, останутся одни. Пусть же мудрый Один научит его, как это сделать,

как убедить красавицу и заставить ее сердце биться так же быстро, как сейчас билось его собственное!

Глава 2. Бломме

Ночью во дворе горели костры, гудел праздничный пир. Кругом были расставлены деревянные скамьи, а сидевшие на небольших сидениях скальды наперебой состязались в умении складывать висы и играть на своих инструментах. Столы ломились от блюд, в основном это было жареное мясо, да рыба, а кувшинов со сладким хмельным медом и котлов с пивом – и вовсе приносили не счесть!

Гости были уже порядком навеселе, молодые юноши и девушки с веселыми криками водили хороводы вокруг костров, а после кое-кто затеял прыгать через огонь. Смельчаки разбегались и сигали сквозь пламя, сжигая свои прошлые неудачи, болезни, невзгоды. Сам же конунг сидел во главе стола, рядом с матерью, кюной Ингрид и знатными ярлами. Только принца Олафа не было рядом, да и понятно, танцует где-то с молодежью, чего взять с юнца!

– За богов, которые подарили нам столь славную победу! – крикнул немолодой уже Сигурд-ярл, приходившийся конунгу двоюродным братом и снова все наполнили чаши, а кто-то выкрикнул:

– За нашего конунга! За Онна, не ведающего поражений!

Тот хлопнул крикнувшего по плечу, опрокинул еще одну чашу с медом и с беспокойством огляделся. Куда подевался брат? Почему его нет рядом? Не слишком ли увлечен тан-

цами, разве не интересны ему речи воинов, побывавших в походах!

Бломме отправили на кухню, принести еще меда, который заканчивался на удивление быстро: служанки бегали туда-сюда, – и, в полной темноте, разыскав наконец тяжелый кувшин и подхватив его, девушка медленно двинулась по коридору к выходу, ориентируясь на отблески костров, да на гомон веселых голосов. Только бы не споткнуться и не разбить, строгая кюна ей спасибо не скажет! Так отчитает, что мало не покажется! Чья-то тень возникла на пути, кто-то преградил дорогу, и девушка испуганно вскрикнула, чуть не расплескав медовый напиток.

– Не бойся, – раздался тихий ласковой голос, и она к своему удивлению узнала принца Олафа. – Не бойся, моя Бломме!

Тот явно перебрал хмельного и теперь плохо владел собой: в его движениях появилась излишняя оживленность, а голос звучал иначе, как если бы слова давались с трудом.

– Я ничего тебе не сделаю.

– Принц Олаф? – девушка уже оправилась от первоначального испуга, и ее голос звучал теперь спокойно и даже немного дерзко, – Что ты делаешь здесь в темноте, один?

– Искал тебя.

– Зачем?

– Хочешь танцевать? – он протянул ей руку, – Я возьму тебя в наш круг!

– Как смешно будет выглядеть служанка, танцующая со знатью, – рассмеялась Бломме, но ее смех звучал невесело.

– Бломме, почему ты упрямисься? – вдруг неожиданно тихо спросил он, опуская руку, – Почему все время отказываешь мне? Взгляни во двор! Слышишь, как дружина горланит песни? Они выпили не так уж мало сегодня, празднуя свою победу! Хочешь отказать в благосклонности принцу и подарить ее кому-то из этих пьяных мужланов?

– Один из них назовет меня женой однажды, тот, кого выберу сама, – твердо ответила девушка. – А то, что предлагаешь ты, недостойно честной девушки, принц.

– Почему же? – нахмурился он, – Или принц плохая пара для тебя? Ты найдешь в лучшем случае земледельца, как твой отец. А скорее всего, достанешься на таком же празднике какому-то подвыпившему воину, который заметит твое хорошенькое личико. Вряд ли можешь рассчитывать на кого-то получше!

– Если я кому и достанусь, то лишь смелому воину! – резко перебила девушка. В темноте ее глаз не было видно, но можно было догадаться, что в них загорелся гнев.

– А я не такой? – спросил Олаф, вдруг резко хмелея от меда, выпитого ранее.

– Назови мне сражения, которые выиграл? – Бломме наклонила голову и взглянула на него с вызовом, в ее голосе отчетливо прозвучала насмешка, и тут Олаф не на шутку разозлился – она попала в самое больное место. Да, он не

был в сражениях. И пусть он принц, пусть красив, как сам Бальдр, но уступает любому из тех пьяных вояк, изуродованных шрамами, что сидят за столом, потому и не хочет быть среди них!

– Что ж, иди! – юноша, покраснев от досады, посторонился, давая дорогу, – Я посмотрю, где ты его найдешь, замарашка!

– Посмотрим, принц! – с не меньшей досадой крикнула ему Бломме, а после вышла на улицу и отнесла кувшин на стол. Несколько парней-хирдманов подбежали к ней, пытаюсь затащить в круг танцующих, но девушка вырвалась и спряталась в тени. После неожиданной стычки ей не хотелось ни танцевать, ни праздновать. Хотелось пойти спать, но кто-то же должен потом убрать остатки еды...

И она продолжала тихо стоять в стороне, наблюдая за веселившимися сородичами. На вертелах жарились туши баранов, их жир стекал прямо в костер, от чего повсюду раздавался веселый треск, а аромат жареного мяса был так силен, что его почувствовали и горные тролли по ту сторону перевала! Бломме вздохнула. Ей не хотелось ни пить, ни есть, ни танцевать, ее лихорадило, а щеки горели. Значит, вот как она ощущается, первая любовь? Но нет, он не для нее, это же ясно, он развлечется и забудет, а вот она – не забудет никогда. А может, проще сделать так, как он просит? Прийти ночью к дубу? А после – прыгнуть с утеса, в Сванфьорд, и пусть морские великаны примут ее в свои чертоги... Зачем

мир так жесток? Почему в нем есть принцы и служанки? Почему есть такие, как он? Его род идет от темных альвов, это видно. Неспроста его неземная красота. Неспроста чудесные победы и неуязвимость его брата! Да и кюна Ингрид, наверняка не из обычных людей, есть что-то такое в ее глазах...

Была уже глубокая ночь, когда служанки закончили работать и скрылись в доме. Бломме осталась последней, она привыкла задерживаться позже других, всегда ей казалось, что можно убрать еще лучше, вымыть еще чище! Наконец, с удовлетворением оглядев двор, она отправилась внутрь. Смятение после пережитого этим вечером не оставило ее, сон бежал прочь, и девушка задумчиво остановилась у темных ступеней. Она закусила губу, с досадой вспоминая сегодняшний разговор с Олафом и грубости, что тот сказал ей. Он бы не посмел так говорить, не будь она простой служанкой! С другой стороны, надо признать, что и она проявила мало почтения и была слишком дерзка с принцем. Не был бы он так великодушен, ей бы несдобровать! Но что еще сделать, чтобы Олаф перестал мучить ее? Она нервничала, сердилась на себя, на него, потом, не в силах пойти в девичью, долго смотрела на бледно-желтую луну, а после отправилась в кухню, набрать воды.

Выпив холодной воды и умывшись, девушка, наконец, почувствовала себя лучше, начала успокаиваться и уже шла к девичьей, где ночевали служанки и рабыни, когда дверь рядом вдруг распахнулась, и в темноте Бломме увидела конун-

га. Он стоял со свечой в руке, в простой белой рубашке, и недовольно щурился: шаги привлекли его внимание.

– Кто разгуливает так поздно? – мрачновато спросил Онн, освещая ее лицо.

Однако, когда он увидел девушку, жесткая складка вдоль его губ смягчилась, на них мелькнуло даже подобие улыбки, а льдинки в глазах растаяли. Девушка, потеряв дар речи, молчала, она боялась конунга, трепетала перед ним.

– Куда спешишь, красавица? – усмехнулся тот. – Уж не к любимому ли?

– Я ходила попить воды, – тихо ответила она, отступая, – Извини, что потревожила... Спать пойду.

Она попыталась пройти мимо, но железная рука конунга сжала ее плечо.

– Погоди-ка. Иди сюда.

С этими словами он потянул ее в спальный покой, где все-то и были, что кровать да скамья, закрыл за собой дверь и жестом велел сесть на скамью. Бломме, испуганная, подчинилась. В спальном покое было очень тесно, но лишь конунг мог занимать его один, остальные, воины и женщины, спали в больших помещениях, все вместе, женщины на женской половине дома, мужчины – на мужской.

– Я ведь уже видел тебя сегодня! – заметил вдруг Онн, – И даже сравнил с Фрейей. Как тебя зовут, девушка?

– Бломмеман.

– Цветущая луна... Чья ты?

– Я – дочь Хельги, земледельца с Каменного мыса. Отец прислал меня сюда, потому что самому большую семью ему не прокормить. Я служанка здесь.

– Откуда такое имя у дочери бедняка? И красота... Смотрю на тебя и кажется, будто ты валькирия, что пришла за мной по велению Одина... – его глаза слишком откровенно разглядывали девушку, взгляд обжигал, и она, почувствовав волнение, граничащее с паникой, порывисто поднялась со скамьи.

– Я не должна быть здесь, уже поздно, – в замешательстве прошептала она. – Прости, я пойду!

– Почему же? – Онн усмехнулся. – Остайся со мной сегодня. Хочешь, подарю тебе золотое ожерелье, каких нет и у знатных красавиц? Я привез такое из дальней земли.

Ну вот, опять! Бломме вздохнула. Два раза за один день – пожалуй, что и слишком!

– Я честная девушка, – она опустила голову, – Хочу быть женой воина и матерью его детей. А подарков мне не надо.

– Не беда, – конунг усмехнулся. – Выдам тебя замуж за доблестного воина, дам тебе хорошее приданое. Не бойся меня, красавица. Так долго я был в походе, стосковался по женской любви.

С этими словами он двинулся вперед, потом сжал девушку в объятиях, прижимая ее к своему сильному телу, так крепко, что она едва могла дышать. Бломме сделала попытку вырваться, но конунг схватил ее еще крепче, так, что она не

могла даже пошевелиться, наклонился к ее уху и медленно произнес:

– Я – Онн-победитель, девушка. И привык брать все, чего хочу. Ты поняла меня? Не думай, что с тобой будет иначе!

Испуганная жесткостью его тона, Бломме слабо кивнула и вдруг словно обмякла, и Онну не стоило никакого труда положить ее на кровать, тем более, что она была легонькой, как пушинка. Никогда она не думала, что все произойдет вот так! Думала, будет тинг, как положено, она выберет мужа себе, спросит позволения у отца... А что теперь, что будет дальше! Да помогут ей боги!

Ночью Бломме была все так же растеряна, хотя и лежала тихо, положив голову ему на плечо, а конунг обнял ее одной рукой и вдруг несколько удивленно спросил:

– Ты не похожа на других служанок. Я ждал, что будешь отбиваться до последнего... Почему не стала?

Девушка помолчала, не зная, как ответить. Но обманывать она не умела и потому решила сказать правду.

– Потому что мне нужен был человек сильный и смелый, – ответила она не сразу, – Настоящий воин...

На его лице мелькнула довольная усмешка, ему было приятно ее слова, потянувшись, он коснулся губами ее лба.

– И зачем же тебе был нужен настоящий воин?

– Потому что не хотела, чтобы надо мной снова посмеялся... – она помедлила, – Один шутник.

– Что? – голос Онна стал суровым, и конунг приподнялся

на локте, вглядываясь в лицо девушки, – Кто посмел насмеяться над тобой? Я отрублю ему голову своим мечом!

– Не выйдет, – улыбнулась в темноту Бломме.

– Разве есть воин, которому я не смогу срубить голову?

– Не сможешь.

– И почему же? Он что, сам могучий Тор? – Онн нахмурился.

– Нет, – Бломме снова тихонько рассмеялась. – Он совсем не могуч и вовсе не похож на великого Тора... Просто его голова тебе дороже собственной.

Но конунг уже не слышал ее слов, уставший, он крепко спал, а Бломме, взволнованная, не могла уснуть до рассвета, лежала напряженная, словно натянутая струна, и все прислушивалась к его дыханию, пока над горизонтом не показались первые солнечные лучи.

С той ночи Онн изредка звал Бломме к себе, и она приходила, всегда оставаясь тихой и послушной, подчинялась его приказам. Обычно девушка молчала, они редко говорили друг с другом. Да и о чем конунгу говорить со служанкой, которая не видела ничего, кроме отцовского дома на Каменном мысу, да усадьбы, где обитала теперь.

Онн не задумывался над своими чувствами к девушке: она была молода и очень хороша собой, вот все, что он знал. Как и Бломме не могла понять, что чувствовала к нему, понимала лишь, что он – правитель их земель, ему подчиняется их род, а значит – и она должна подчиняться тоже. А та-

ких воинов, говорят, не рождалось со времен героев древних сказаний, со времен Сигурда и Атле! Это честь для любой девушки, даже знатной, что уж говорить о служанке! А что до того, что конунг никогда не назовет ее женой – это она отлично понимала. Не потому что она служанка, вон, его отец взял в жены и рабыню. А она-то, Бломме, хоть свободна. А потому что – и она чувствовала это – не было в его душе ничего, что выделило бы ее среди других хорошеньких женщин. Она была для него лишь таким же трофеем, как те сокровища, что привозят его драккары из дальних странствий. Красивая игрушка. И скоро она наскучит ему, как наскучили другие до нее.

Спустя время, принц Олаф, не оставлявший девушку своим вниманием, узнал о случившемся. Произошло это на одной из прогулок, когда они с братом молнией летели на лошадях через поле, а после вдоль утесов, пригнувшись к самой конской шее, соревнуясь друг с другом. Внезапно, уже у края обрыва, конунг осадил своего крепкого гнедого жеребца, от чего тот поднялся на дыбы, а Олаф встал рядом, пытаясь отдышаться после бешеной скачки.

– Ты молодец, брат, – похвалил Онн, – Скачешь отлично. Я хочу, чтобы ты сопровождал меня в будущих походах!

– Спасибо! – с чувством воскликнул младший брат, – Я так мечтал об этом! Хотел просить тебя. Ведь я уже взрослый мужчина, но не воин! И какая же девушка посмотрит на меня!

В его словах было столько горечи, что конунг не выдержал и рассмеялся. Подъехав ближе, он потрепал брата по плечу.

– Ну, конечно! Никто и не посмотрит! То-то гляжу, все девицы глаз с тебя не сводят, а после шепчутся часами, стоит лишь тебе пройти по двору! Брось, да ты и сам знаешь. Даже я, хоть и конунг, со всеми своими победами, не имею такой власти над женскими сердцами! Им подавай твою красивую физиономию! Но я заметил, что ты и не смотришь на них. Изменился в последнее время. Прежде ты был другим! Веселее, спокойнее, а теперь тебя все время обуревают волнения, тайные мысли. Откройся своему брату и господину. Кто она?

– Одна бедная служанка, – поколебавшись, махнул рукой Олаф. – Но хороша, будто богиня! И гордая, как валькирия. Она и знать меня не хочет!

– И как же ее зовут? Твою валькирию? Я знаю ее?

– Бломме.

При этих словах конунг вдруг нахмурился, улыбка сбежала с его лица, а брови сдвинулись к переносице, но он ничего не сказал, и принц, не заметив реакции брата, продолжил.

– А сколько я ходил за ней! Чего только не предлагал! И все нет, да нет. Не из тех она девушек, кто уступит кому-то...

– Почему же? – мрачновато хмыкнул Онн, отвернувшись.

– Зачем ты так говоришь? – Олаф взглянул на брата с беспокоеством. – Зачем так о ней?

– Знаю.

Несколько мгновений они смотрели в глаза друг другу, и этого было достаточно, чтобы Олаф успел догадаться: он весь вспыхнул, а потом с горечью воскликнул:

– Так вот откуда у нее золотой пояс! И новое платье! Да чтоб его тролли взяли!

С этими словами он развернулся и помчался прочь, оставив брата смотреть ему вслед. Подобная выходка хоть и казалась конунгу мальчишеством, но искренне огорчила его, он никак уж не хотел ссориться с братом из-за какой-то служанки, пусть и очень хорошенькой. Хотя в глубине души, ему льстило, что девушка выбрала его, будучи столь неуступчивой с другими поклонниками. А с другой стороны: как бы посмела она отказать?

Но мысли о брате не оставляли, конунг видел, что тот еще совсем молод, а потому страдает не на шутку. И Онн решил поговорить с девушкой, а потому вошел в девичью, даже не удосужившись постучать – просто распахнул дверь. Он делал так всегда – не думал о других, как если бы их и не было. С громким визгом девушки бросились врассыпную, едва увидев конунга, благо хоть все были в платьях и выглядели прилично. И лишь одна Бломме даже не пошевелилась – не заметила его, не услышала визга подруг. Она сидела у окна, склонившись над каким-то листком, и более: что-то выводила на нем палочкой, которую обмакнула в краску! Онн, приблизившись, с удивлением увидел, что то были буквы!

– Ты знаешь грамоту?! – с изумлением воскликнул ко-

нунг. Даже если бы сам одноглазый Один возник перед ним сейчас, явившись из сумрачного дыма, и то он не удивился бы больше! Служанка, которая знает грамоту! Да где такое видано!

Наконец, она заметила его, вздрогнув, подняла свои прекрасные синие глаза, холодные и прозрачные, словно воды фьорда – в таких можно утонуть! Испуганная, вскочила, поклонившись своему господину.

– И что ты пишешь? – поинтересовался он. – Какие-то заклинания? Ты что, ведьма?

Вместо ответа она протянула ему листок, конунг разобрал слова, что были там написаны, и удивился еще сильнее.

– Красивые висы, – похвалил он. – Откуда они? Кто тебе их напел?

– Из моей головы, – рассмеялась девушка.

Тот лишь недоверчиво взглянул на нее, покачав головой, а после нахмурился. Воистину, дерзкая девица лжет! Но Бломме продолжала смотреть ему прямо в глаза и улыбаться.

– Не верю, что женщина, да еще простолюдинка, может быть скальдом и слагать такие строки! – решительно произнес конунг. Она лишь пожала плечами, давая ему право на сомнения, а Онн смотрел на нее теперь совсем другими глазами. Не только красавица, но и скальд! А что если она не просто служанка, что если мать родила ее от альва? Или того больше, от одного из асов? И Бломме покраснела, угадав его мысли.

Конунг хотел что-то сказать, но никак не мог подобрать слов. Он не знал, что следует говорить в таких случаях, и тут – оглушительный грохот набата прорезал тишину.

Онн опрометью бросился прочь из девичьей, выбежал во двор, где и столкнулся с Виле и Свенем, молодыми дружинниками, что несли дневной дозор сегодня. Оба выглядели встревоженными, чтобы не сказать испуганными. Хотя, разве может викинг быть испуганным!

– Закрывайте ворота! – завопил Виле, что было сил, – Северяне с Каменных склонов идут сюда! Две дружины, не меньше!

И тут же поднялась суета, ворота закрыли, женщины и дети попрятались в землянках, воины схватились за оружие, а Онн бросился готовить оборону.

– Лучники, на стены! – распорядился конунг, – Остальные со мной, – встретим их у ворот! И подготовьте воду, они будут поджигать дома!

Онн пригляделся: вдали показался вражеский отряд, небольшой, не более пяти десятков хорошо вооруженных воинов, но все конные, с мечами, луками и арбалетами. Да, с такими пощады не жди. Северяне умеют драться! В военном деле смыслят мало, но отважны и свирепы. Ничего. И сами не вчера родились!

Не успев подойти, противники издали принялись атаковать, забрасывая деревянную крепость огненными стрелами, отчего вспыхнули дома, на крышах которых трава от солн-

ца успела пожухнуть. У остальных травяной покров оставался свежим и потому не загорался быстро. Хорошо, что здесь не крыли соломой, как на юге! Онну пришлось отправить несколько человек тушить пожар, пока лучники стреляли в нападающих, пусть те были хорошо защищены шлемами, а кое-где кожаными латами с железными накладками. И все-таки, нескольких удалось поразить, но некоторые уже подобрались ближе, спешили и крушили топорами ворота. Долго не выдержат, хоть и прочные. Северяне войдут в крепость, это уж как пить дать! Значит, нужно принять их со всеми почестями!

– Копья готовить! – крикнул Онн, и вся его дружина, сгрудившись у ворот, мгновенно ошетибилась крепкими копьями, а бонды и слуги, у кого не было оружия, подхватили деревянные пики и просто заостренные колья, тоже готовые встретить нападавших.

Наконец, ворота поддались, вооруженные топорами северяне вбежали во двор, а за ними по проторенному пути последовали оставшиеся конные, туда, где их поджидали дружинники конунга. Несколько лошадей напоролась на копьё, и движение замедлилось, возникла неразбериха. Всадники спрыгивали на землю, завязалось ожесточенное сражение, сопровождающееся отчаянными женскими криками, лязгом железа, лошадиным ржанием, а между тем все вокруг уже заволакивало едким дымом: стало трудно дышать, и нельзя было разглядеть ничего дальше собственного носа!

Единственным, кто радовался происходящему, был, наверное, принц Олаф, которому наконец-то выпал долгожданный шанс проявить себя в битве.

Каким-то неведомым образом, повинуясь чутью, что дано лишь влюбленным, он увидел Бломме, выскочившую из загоревшегося дома. В отчаянии девушка заметалась по двору, не помня себя от ужаса, и тут же северяне окружили ее, а один даже схватил за руку. Олаф кинулся к ним, не раздумывая, пронзил мечом грудь противника, а после остальные накинулись все сразу, но принц уверенно отражал их атаки, и в глазах отбежавшей в сторону девушки, несмотря на испуг, вспыхнуло восхищение. Нападавших оставалось лишь двое, когда один из них, зайдя со спины, пронзил левое плечо принца насквозь. Лезвие к счастью не задело сердца, хотя рана и была серьезной. Олаф рухнул на землю, как подкошенный, и вражеский меч взметнулся в воздух, чтобы добить противника. Бломме громко вскрикнула. Но могучий северянин, высокий воин с заплетенной в косу уже седеющей бородой, не успел ударить. Прыжком Онн очутился рядом, сжимая по тяжелому мечу в каждой руке, он одновременно поразил обоих, а после склонился над братом, и тут же отбросил оружие, подхватил тело на руки и внес в дом. Бломме бросилась за ним.

– Позаботься о нем! – приказал он девушке, уложив Олафа на постель, и Бломме, растерянная, совершенно ослепшая от слез и дыма, кивнула. Конунг не заметил ее ответа:

он снова кинулся в гущу сражения.

И поздней ночью Онн оставался на ногах: вместе со своими людьми готовил высокие погребальные костры для павших: своих и чужих. Крепость потеряла немногих, северян куда больше, почти все пали, да десяток удалось захватить. После можно будет обменять на ценности или же оставить в крепости, служить и приносить пользу. Онн не любил казнить без разбору, считая, что живой раб полезнее мертвого тела. Некоторые пленники со временем становились преданными дружинниками, что тоже было совсем неплохо.

Не спала и Бломме: она перевязала рану принца, напоила его целебными травяными отварами, прочла нужные заклинания – лечить девушка умела с детства, этому ее учила мать. И теперь преданно сидела у постели больного, прислушиваясь к тяжелому, прерывистому дыханию. У него начинался жар, но возможно к утру станет легче. Только бы дотянул до утра! Олаф застонал, попросил воды, и она протянула ему чашу, одновременно укрыв шерстяным одеялом поплотнее, чтобы холодный воздух не застудил раненого.

– Тебе лучше? – тихо спросила девушка.

– Я буду жить. Благодаря тому, что ты заботаешься обо мне.

– Ты спас меня, – она восхищенно покачала головой. – Ты храбрый воин, сражался как сам бог Тор!

Олаф слабо улыбнулся, и девушка улыбнулась в ответ. Улыбка была робкой, как если бы она и вовсе боялась гово-

рить с принцем. От ее недавней дерзости не осталось и следа.

– Брат приходил, когда ты пошла за травами. Сказал, что умеешь складывать песни.

Бломме кивнула.

– Да, умею.

– Спой мне что-нибудь, – попросил он. Поколебавшись, девушка напела ему свои любимые строчки:

*Дорог огонь
тому, кто с дороги,
чьи застыли колени;
в еде и одежде
нуждается странник
среди холода горного.
Молчанье – как горы,
если мудрец
будет молчать —
не грозит ему горе,
ибо нет на земле
надежнее друга.
чем мудрость житейская ¹.*

Олаф слушал внимательно, сосредоточенно закрыв глаза. А когда она замолчала, медленно поднял руку и накрыл ладонь девушки своей.

¹ Использован измененный отрывок из «Старшей Эдды».

– Я хочу, чтобы ты была моей женой, Бломме, – сказал он серьезно, вглядываясь в ее синие глаза.

– Что?! – воскликнула девушка, не помня себя от изумления, – Что ты говоришь, принц? Или жар тебя не оставил, и ты все еще бредишь?! Помни, кто ты, и кто я!

– Я захочу – и ты станешь моей женой, – упрямо повторил он. – Если, конечно, захочешь ты. Насильно принуждать не буду. Когда придет время твоего тинга – назови мое имя! И я скажу, что возьму тебя в свой дом. И пошлю твоему отцу свадебные дары.

Она всматривалась в его лицо, пытаясь угадать тень насмешки, но не заметила и, опустив голову, покраснела.

– Я не могу быть твоей женой, – тихо сказала девушка, вдруг смутившись.

– Почему так говоришь? – нахмурился Олаф, – Из-за брата? Из-за него?

В глазах Бломме появился испуг, она побледнела, белыми стали даже ее губы, сердце, казалось, остановилось, ушло куда-то вниз, как если бы его и вовсе не было, а потом она еле слышно выдохнула, проклиная все на свете и свою жизнь, сейчас ей хотелось провалиться от стыда прямо в Хель:

– Ты знал?! Знал, да? О, светлая Фригг, как это страшно... какой позор, – она закрыла лицо руками, но раненый потянулся и заставил ее убрать ладони.

– Почему ты сделала это? – сурово спросил Олаф, глядя ей прямо в глаза, чтобы она не могла обмануть или промол-

чать. – Или люб тебе мой брат? Понимаю тогда, он лучший из воителей и наш конунг...

– Думала, что так не позволю тебе смеяться надо мной, – наконец, испуганно прошептала она.

– Но я никогда не смеялся! Я всегда любил тебя! – Олаф даже приподнялся на постели от негодования и тут же со стоном рухнул обратно.

– Лежи-лежи, тебе нельзя шевелиться, может открыться рана, – кинулась к нему девушка. – А что могла подумать я, простая бедная служанка, когда принц, да еще и самый красивый воин на всех северных землях, уделяет ей внимание? Что он хочет поиграть, а потом найти другую, ту, которую сможет взять в жены, разве нет? А я не могла так... С другими – может быть. Но с тобой не хотела... Слишком больно, не смогла б потом жить! Для меня все всерьез, принц Олаф. Потому еще раз прошу, не нужно играть со мной.

– И для меня всерьез! – горячо заверил юноша, пусть и слабым голосом, – Дай мне только окрепнуть, и клянусь, я возьму тебя в жены! Мне нужна только ты, я понял это сейчас, когда ты пела свою песню... Ты ведь тоже хочешь этого?

– И всегда хотела, – кивнула она, снова покраснев, – Ругала тебя, смеялась над тобой с подружками... Потому что любила...

– Иди сюда, – позвал Олаф, она приблизилась, наклонилась, и он осторожно приобнял ее здоровой рукой, а потом нежно поцеловал. От жара у него были горячие, сухие губы, и

Бломме ласково улыбнулась, положив голову Олафу на плечо. Ему сейчас нужно отдыхать, а не девушек обнимать!

Как же быть с братом? Эта мысль не давала теперь покоя. Олаф догадывался, что конунг не очень-то интересовался девушкой, она и вовсе не нужна ему, но захочет ли отдавать свое? Даже родному брату? А если нет? Принц не осуждал Бломме, она не могла не подчиниться Онну. Ему подчиняются все вокруг, что уж говорить о девчонке в услужении! А сможет ли он сам? Сможет ли противостоять конунгу даже во имя своей любви? Олаф вздохнул.

Глава 3. Хэкса

Когда принц Олаф совсем поправился, он немедля сообщил о своем горячем желании жениться на Бломмеман, дочери бонда Хельге с Каменного мыса. Братья шли по двору усадьбы, направляясь к воротам, и Олаф поведал конунгу о своей любви, а тот лишь качал головой, бросая на принца недоуменные взгляды. И взгляды эти не сулили ничего хорошего.

– Я прошу твоего позволения, – завершил свою речь Олаф. Они уже вышли за ворота и сейчас стояли на дороге, что вела к морю, туда, где врезались в песок драккары, ждущие следующего похода.

– Ты что, спятил? – устало спросил конунг, бросив ледяной взгляд на младшего брата. – Разум оставил тебя в дни болезни? Или эта ведьма чем-то приворожила, пока выхаживала? Ты – принц, она – служанка! О чем говорить!

– Мне безразлично. Я люблю ее. Вспомни, отец наш женился на рабыне, а ведь он был конунгом!

– Это другое, наша матушка – самая достойная из всех дочерей Фригг на этом свете!

– Но и Бломме – достойнейшая из них! – тут же возразил Олаф.

– Да разве? – Он пристально взглянул в глаза брату, – Как же то, что она была с другим до тебя?

Повисло долгое молчание, а потом Олаф твердо ответил:

– В бою, если ты выронишь меч, для меня будет честью поднять клинок, которым ты убивал врагов. Это честь для меня, мой брат и мой конунг.

– У тебя на все есть ответ! – Онн безнадежно махнул рукой. – Любишь ее, так люби! Забирай себе, мне она не нужна. Но зачем брать в жены? Ты должен найти женщину из хорошего рода, ту, что станет лучшей матерью для твоих законных детей.

– Бломме не пойдет на это. И я не хочу. Прошу тебя...

– Брат, я люблю тебя, и потому пока я жив – не бывать этому! Ты опозоришь наш род! И запомни, запомни раз и навсегда: никогда я не выроню меч из рук, и мертвым буду сжимать рукоять! И я прощаю тебе эти глупые слова.

В ярости Олаф закусил губу. Он знал, что с конунгом спорить бесполезно.

– Любовь слепа! – крикнул он в отчаянии. – Смотри, как бы тебе самому не опозорить наш род еще больше!

С этими словами он, огорченный и подавленный, побрел прочь, не переставая выкрикивать ругательства и проклятия, а конунг направился в лес, хотелось побыть одному. Он шел дальше и дальше, чувствуя, как все внутри закипает от гнева. Он ненавидел себя за то, что пришлось дважды огорчить брата – самого дорогого человека на свете, и в то же время понимал, что делает так для его блага. Во благо рода. Ведь он старший, он отвечает за них. А быть конунгом нелегкое

бремя! Да еще эта девица, чтоб ее побрали тролли! Зачем только подвернулась ему тогда ночью, зачем его глаза заметили ее красоту! Да, он обещал выдать ее за хорошего воина. Если Бломме возьмет кто-то из хевдингов, уже будет прекрасная пара. Но отдать служанку, у которой нет ничего, даже ее девичьей чести, в жены принцу! Его любимого брату, тому, кто заслуживает лучшей девушки на свете! Не бывать такому! Кровь ударила в голову, бешеная ярость – дар темных альвов, требовала выхода. И, выхватив свой двуручный меч, тяжелый настолько, что другие викинги не могли его даже поднять, Онн принялся наносить удары по стволу старой, уносящейся верхушкой к небесам ели, так, что только щепки летели в стороны! Он молотил и молотил без передыха по ни в чем не повинному дереву, рискуя затупить лезвие прекрасного клинка, пока его не остановил вдруг скрипучий женский голос, в котором отчетливо прозвучала насмешка.

– Так не решить проблемы, – сказала неизвестная, – Пожалей дерево! Оно ни в чем не виновато! А в нем – душа нашего леса.

Онн обернулся. Кто смеет насмехаться над ним! И тут прямо из густых зарослей вышла женщина. Она была немолодой, простоволосой, с нечесаными, уже седеющими длинными прядями. Одета в какое-то серое убогое рубище, на ногах плетеные сандалии. Как есть старая хэкса-колдунья!

– Оставь меня, хэкса, – зло бросил конунг, – Убирайся прочь! Отправляйся в Хель!

– Ты прав, я – хэкса, – усмехнулась женщина. – Но не гони меня, Онн-конунг, а лучше спроси-ка совета! Ведь для того мы, хэксы, и нужны.

Помедлив и признав про себя справедливость ее слов, конунг неохотно произнес:

– Что ж. Хорошо. Так скажи мне, колдунья, как решить мою проблему? Называть ее не стану, ты ведь знаешь сама, или ж ты не хэкса!

Женщина, едва услышав его слова, словно только и ждала их, невозмутимо опустила на землю, присела, подобрав под себя ноги, развязала потертый кожаный мешочек с рунами, что висел у нее на шее, и принялась выкладывать их прямо на траву, пристально вглядываясь в значки и что-то шепча себе под нос.

– Ты думаешь о женитьбе брата, – произнесла женщина, чуть погодя, – Хочешь, чтобы он нашел достойную жену. Но нет достойнее той, что он выбрал! Позволь им быть вместе, мой конунг. Ведь ты и сам отлично знаешь, что она заслуживает этой доли. Ты видел ее висы. Видел ее красоту. Такой девушки не рождали еще здешние земли!

– Почему я должен тебе верить? – нахмурился конунг.

– Я могу рассказать и о твоей судьбе, если хочешь! – хэкса насмешливо подняла на него чуть косящие черные глаза.

– Не верю колдуньям! – Онн презрительно скривил губы, – Они приносят лишь несчастье! Лучше прикажу отстегать тебя розгами хорошенько, чтоб не болтала глупости!

– И правильно, – хэкса кивнула все с той же странной полуусмешкой. – Тебе принесет большое несчастье одна очень могущественная колдунья. Но не я. Я лишь хочу защитить. Ведь ты – конунг на этих землях, и я тоже рождена здесь. Так слушай. Ты пойдешь в большое сражение. Но не в такое, в какие ходил прежде! Про те забудь! Это мелочи. Пересечешь море и завоюешь для викингов новые земли! Построишь большие города и замки! Станешь всемогущим! Враги будут трепетать от одного твоего имени. Встретишь на своей дороге любовь. Таковую – что раз и на всю жизнь. Станешь очень богат. Но в твоей жизни будут лишь три истинных сокровища...

– Я и так знаю, про три сокровища! Но вот откуда об этом знаешь ты? О тайне нашего рода?!

– Не перебивай! – возмутилась хэкса и продолжила, когда он умолк. – Колдунья та – лишь повод к несчастьям. Причина же – в тебе. Если не сможешь остановиться, если жажда славы и новых побед закружит голову, ослепит тебя – потеряешь все. Три сокровища, одно за другим. А когда потеряешь – обретешь четвертое... То, ради которого пришел на эту землю. Так будет. Я все сказала.

Хэкса быстро собрала руны, завязала мешочек, повесила обратно на морщинистую шею и проворно вскочила на ноги, отводя от лица спутанные волосы.

– Послушай меня, – сказала она на прощание, – Не мешай брату! Не трать на это время. У тебя слишком много своих

дел! Столько, что и жизни не хватит!

С этими словами она скрылась в зарослях, так же бесшумно, как и появилась, а конунг продолжал смотреть ей вслед, вновь и вновь повторяя про себя слова странного предсказания. Колдунья глупа! Как может он потерять три волшебных сокровища, завещанных ему отцом! Но то, что она говорила про другие земли, замки, большую славу заинтересовало его, разве не об этом он мечтал? Разве не за этим пришел на землю? Именно за этим, а вовсе не для того, чтобы найти какое-то неведомое четвертое сокровище!

С такими мыслями Онн направился обратно к крепости, не догадываясь, что встреча с хэксой перевернула его жизнь, которая уже никогда больше не будет прежней.

В тот день в главной зале собрались все викинги, их родители, были тут и земледельцы с Каменного мыса. В очаге жарко пылал огонь, кубок поднимался за кубком, а слуги лишь успевали подносить блюда с дичью и кувшины с медом.

Олаф и Бломме в парадных одеждах сидели во главе бесконечно длинного деревянного стола, и девушка, казалось, хороша сегодня, как никогда. На ней было длинное платье, расшитое золотом – подарок жениха, рукава украшены обрубьями, а на груди лежала тяжелая цепь с подвесками из рун, что символизировали благополучие, счастье и любовь. Лоб ее был украшен тонким ободом, удерживавшим белое покрывало – замужним женщинам следовало покрывать во-

лосы. Щеки покраснелись, то ли от жара огня, то ли от волнения, а синие глаза, обычно такие холодные, – сияли, словно звезды. И даже конунг, сидевший по правую руку от брата, не мог не признать, что Бломме чудо, как хороша! А уж рядом с Олафом: да знал ли кто пару прекраснее, с тех пор как великие асы покинули этот мир? Кюна Ингрид же, напротив, хмурила брови и постоянно морщилась: ей не нравилось, что младший сын женился на служанке, дочери бедного земледельца, она уже и забыла, что сама была простой рабыней прежде.

Когда все обряды завершились, а свадебный пир был в разгаре, конунг поднялся, снял с груди тяжелую цепь, украшенную амулетом с вырезанными на нем рунами, и протянул ее Хельге-земледельцу.

– Отдаю тебе это, Хельге, сын Халварда, в знак того, что теперь мы – родичи, – произнес конунг. – Да хранит тебя Один!

Хельге поднялся, поклонился конунгу и протянул ему в ответ свой кинжал, не слишком красивый, небогато украшенный, но ничего дороже у него не было.

– Для меня честь быть твоим родичем, Онн-конунг, и умереть за тебя, если потребуется! – еще раз поклонился тот.

Хельге с Каменного мыса так и застыл с раскрытым ртом, когда получил богатые свадебные дары и сообщение, что принц Олаф просит руки его дочери, а потом еще долго не мог поверить в неожиданно свалившееся на него счастье – по-

родниться с конунгом.

Олаф и Бломме почти не слышали, что творилось вокруг, они лишь смотрели друг на друга, сияя от счастья. Застолье все продолжалось, скальды пели свои песни, одну за другой слагали висы, прославляющие доблесть жениха и красоту невесты, а потом взгляд конунга упал на уже немолодого дружинника, знатного ярла, сидевшего на другом конце стола.

– А почему это Хлодвиг так молчалив сегодня? – громкоподобно выкрикнул Онн, заглушая пение скальдов, – Или не весело тебе на нашем празднике, а Хлодвиг-ярл?

Вздрогнув, Хлодвиг поднял голову, так резко, что его седая борода, заплетенная в косу, чуть не макнула в кубок с медом.

– Это прекрасный праздник, каких нет и в Асгарде, – откликнулся он. – И я желаю счастья молодым! Прости, что задумался о своем, конунг! Никак не могу забыть, что видел в походе. Прости меня.

Хлодвиг с дружиной совсем недавно вернулся из похода в дальние земли, целью его было не воевать, не грабить, но узнать, что же там дальше, за морем. А вернувшись, держался обособленно, стал вдруг тихим и молчаливым, словно сторонился своих боевых товарищей, и конунг не мог этого не заметить. Оттого и спросил сейчас прилюдно – хочешь сказать, так не таись, говори перед всем родом!

– И что же ты видел? Поведай нам! – в голосе Онна послы-

шалась заинтересованность, а в зале воцарилась полная тишина. Хлодвиг-ярл замешкался, смутившись от столь большого внимания к себе.

– Море, бескрайнее, бесконечное... – наконец, выговорил он, – Острова, населенные неизвестными народами. Высокие скалы. Луга, покрытые фиолетовыми цветами. Покой и красота кругом. Те края богаты. Там куда теплее, чем здесь, дольше стоят солнечные дни, а земли плодородны. Нас ждала бы знатная добыча! Живущие там – не воины, но земледельцы и скотоводы, они не смогли бы биться с нами.

– Твоя правда, Хлодвиг-ярл! – кивнул Онн, который все не мог забыть слова докучливой старой хэкссы, или же все колдуньи такие – докучливые и старые? – Мы пойдем туда. Мы найдем те богатства и заберем себе! А боги пусть помогут в этом! Пока же – будем веселиться! И ты, прошу, родич, веселись вместе с нами!

Конунг поднял кубок и повернулся к Бломме, сидевшей рядом с Олафом, слегка поклонился невесте.

– Желая тебе долгой и счастливой жизни с моим братом, сестра!

– Спасибо, брат, – смутившись, та опустила глаза, а потом снова испугано подняла их на конунга, с тревогой вглядываясь в его лицо: вдруг в его словах была насмешка. Но нет, Онн не сердился, а смотрел на молодоженов по-доброму, и кажется, правда желал им счастья. Бломме с облегчением вздохнула. В это мгновение она поняла, что конунг ни-

когда больше не приблизится к ней. Он слишком любит брата и не пойдет на подобное предательство. Отныне она может жить с тем мужчиной, что избрало ее сердце, жить спокойно и счастливо.

Когда молодые наконец остались одни, – теперь они жили в небольшом доме рядом с усадьбой, – Олаф обнял Бломме, снял золотой обод и покрывало с ее головы и ласково погладил по серебристым волосам.

– Вот ты и стала мой женой, Бломмеман с Каменного мыса, – улыбнулся принц. – Теперь мы будем жить в любви и согласии долгие годы. Клянусь, что никогда не посмотрю на другую женщину, клянусь, что никогда не забуду тебя, даже в самом длинном походе!

Девушка подняла на мужа засиявшие от счастья глаза.

– Клянусь разделить с тобой твою жизнь и, если будет на то воля богов, твою смерть. Без тебя мне ничего не нужно.

– Не говори так! – оборвал ее Олаф. – Нет, увидишь, боги пошлют нам счастливую жизнь и много чудесных сыновей, что вырастут славными воинами. И много дочерей, что станут первыми красавицами севера!

– Да сбудутся твои слова, – улыбнулась ему Бломме, потянулась и осторожно поцеловала мужа.

А всего месяц спустя после свадьбы, снаряженные драккары тронулись в путь. Стоя рядом с братом, Олаф смотрел на нос корабля, своей оскаленной пастью будто испарывающий непроглядный туман. Рядом шел второй, третий, четвертый!

Сколько воинов собрал Онн в поход, столько кораблей сразу и не видели эти фьорды! Молодой принц грустил о разлуке с любимой женой, о которой мечтал так долго и с которой только-только стал жить одним домом, соединив судьбы, – и вот уже его позвал боевой рог, вот уже ушел он прочь от родного очага. Но в то же время его сердце и пело от счастья – наконец, он дождался своего часа! Его взяли в поход, скоро он докажет, что достоин называться воином, скоро добудет себе славу в бою и принесет богатую добычу своему народу, а может, завоюет и новые земли. И может, брат даже назначит его наместником на этих землях, и тогда он станет правителем. Бломме будет гордиться мужем, никогда не пожалеет она, что связала с ним свою жизнь!

Украшенные боевыми щитами драккары покинули тихую гладь фьорда и уходили теперь в холодное бушующее море. Иногда седые валы перекатывались через палубу, отчего не только гребцы и кормчие, но и сам конунг с братом оказывались мокрыми до нитки.

И долгие дни шли они по морю, перенесли несколько штормов, во время которых принцу Олафу казалось, что он больше не сможет терпеть качку: его постоянно выворачивало наизнанку, он не мог даже подняться на ноги от слабости, но постепенно освоился, привык, научившись справляться и с этим недугом.

– Неудобства – часть военных походов, – говорил ему конунг, глядя на младшего брата с ласковой насмешкой, принц

согласно кивал и терпел, не жаловался.

Олаф хорошо запомнил день, когда из тумана вдруг выступили, словно выскочили, высокие, почти отвесные скалы. Они были не такие, как у них на севере: нет, те суровые, мрачные, чуть пологие, а эти, напротив, казались игривыми, яркими, но одновременно и неприступными, словно приглашая корабли начать с ними опасную, смертельную игру. Возле них закручивались в вихри мальстремы, а волны разбивались с таким громом, как если бы сам Тор ударял молотом по гигантской наковальне. И много дней плыли викинги вдоль этих неприступных скал, не встречая заливов и фьордов, не имея возможности пристать, пока, наконец, не показалась бухта с отмелью, вполне пригодной, чтобы выйти на берег.

Вытащив из воды корабли, они разбили первый лагерь на неизвестной земле, даже не подозревая, до какой степени стосковались по суше! Каждый был готов целовать песок, ведь в глубине души многие боялись, что навечно останутся в царстве морских великанов, если драккары отправятся на дно! Никто еще не ходил так далеко за море, даже Освальд-конунг не видел этих земель!

Вечером под бой барабанов Онн приказал принести в жертву великому Одину и его девам битвы молоденького бычка, специально привезенного на одном из кораблей. Так он хотел задобрить небесного отца и заслужить его благословение в тех боях, что предстояли им вскорости. Когда бы-

чок упал мертвым под жертвенным ножом, пламя костра, зажженного в честь одноглазого бога, вдруг взметнулось до небес. И Онн радостно улыбнулся: жертва пришлась Одину по вкусу, в битвах их ждет успех!

А с рассветом пошли они дальше, вглубь неведомой новой земли, и довольно скоро набрали на небольшое село, которое без промедления атаковали, ведь им нужны были пища, кров, а заодно и проводники из местных, знающих эти края. Олаф бился славно, бок о бок со своим братом, который заметил, что старый Хлодвиг-ярл был прав – люди тут не воины вовсе!

В пылу битвы один из молодых викингов-дружинников, натянув тетиву, хотел пустить горящую стрелу в деревянную постройку, где укрылись женщины и дети, но конунг своим тяжелым двуручным мечом вышиб лук из его рук.

– Там женщины и дети! – крикнул Онн. – Эй! Запомните мои слова! Мы не воюем с женщинами и детьми! Ни на этих землях – и нигде больше! Говорю вам в последний раз!

Вдруг седой старик в длинном балахоне, подпоясанном веревкой, бросился ему в ноги.

– Смилуйся! – крикнул он, быстро разобравшись, кто здесь главный. Язык этих земель был отдаленно похож на наречие, на котором говорили и викинги, – эти племена остались от германцев, что высаживались здесь некогда, – и Онн понимал часть его слов.

– Не жгите наши дома! – взмолился старик, сложив ру-

ки, – Не отнимайте нашу еду! Хватит того, что вы перебили мужчин!

– Признаете ли вы меня своим господином? – сурово спросил Онн, и старик сначала испуганно заморгал, а после, догадавшись, чего от него хотят, склонился головой до земли.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул конунг. – Оставьте этим людям дома и еду. И похороните убитых. Женщин берите лишь тех, кто пойдет с вами! Силой не уводите!

– А как же наша богатая добыча, брат? – растерянно спросил Олаф, вытирая о землю окровавленный меч.

– Это не добыча. Это всего лишь бедные земледельцы, – откликнулся Онн. – Они не нужны нам. Здесь есть замки и крепости. И мы найдем их и подчиним себе.

Онн взял провожатого, который отвел его и викингов к замку в долине, и конунг снова напомнил своим дружинникам, что воюют они лишь с мужчинами-воинами, да просил не жечь много, потому что в замках им самим же и жить после победы. Возможности поражения Онн не рассматривал.

Покидая деревню, конунг заметил, что один из знатных молодых викингов, Эрланд-ярл, тащил за собой упирающуюся женщину: та была ладной, крепко сбитой, с длинными чуть рыжеватыми волосами, и казалась вполне милостивой. Она могла бы быть, как хорошей рабыней, так и славной женой.

– Подойди сюда, – приказал он дружиннику. Тот прибли-

зился к конунгу, все еще сжимая локоть плененной женщины. – Гляжу, ты нашел себе подружку?

– Это – моя добыча, Онн-конунг, – откликнулся тот.

– Ты хочешь идти с ним? – Онн повернулся к женщине. – Хочешь стать женой этого воина?

– Позволь мне остаться с отцом и матерью, – глядя на него своими небольшими серыми глазами, твердо ответила та. – Не забирайте из родного дома.

– Отпусти ее, – приказал Онн.

– Но это моя добыча! – воскликнул Эрланд, и в его взгляде на мгновение вспыхнул гнев. Пальцы конунга лишь чуть крепче сжались на рукояти меча, но Эрланд успел заметить это почти неуловимое движение. Вздохнув, он выпустил локоть женщины, та благодарно низко поклонилась и бегом помчалась назад, к деревне, опасаясь, что конунг передумает.

– Я сказал вам не убивать напрасно и не забирать женщин силой, – твердо повторил Онн.

С этими словами он пошел впереди своего войска, и через несколько дней оказались они у подножья невысокого каменного замка, который долго разглядывали, как диво дивное, в их краях подобного не было! Замок был сложен из серого, почти черного камня, и хоть обладал всего одной низенькой башней с узкими бойницами, окруженный стеной, казался для викингов неприступным. Но не уходить же теперь! Не возвращаться домой с позором! И снова, и снова трубили они в боевой рог, забрасывали замок горящими стрелами,

ломали ворота, рыли подкопы, пытались взобраться на стену, а позже, уже ворвавшись внутрь, устроили жаркое сражение на единственной круглой площади. Одного за другим поражал меч конунга защитников замка, пока последний не сдался на милость победителей. Разумеется, ему было даровано помилование, как и всем оставшимся в живых, кто признал Онна своим господином. Впрочем, новые верноподданные довольно быстро смекнули, что с господином им вполне повезло. Тот не творил жестокостей, не вершил правосудия, не казнил без разбору, не обирал бедняков, напротив, был суров, но справедлив, разумен и дальновиден, а уж набег жителей замка теперь и вовсе не грозили – дружины северян защищали их надежнее, чем благословение Фригг.

Но викинги не остались и здесь, а пошли дальше. И замок за замком покорялся конунгу, и нигде, как и предсказывала старая хэкса, не знали сыны севера поражения. Онн всегда шел впереди верных воинов, всегда оказывался в гуще сражения, но неизменно выходил из самой жаркой битвы невредимым, без малейшей царапины, словно боги укрыли его своим щитом. А меч конунга разил врагов направо и налево, словно то был меч берсерка, не знающего усталости и страха.

Валькирии молниями летели впереди войска, возвещая его славу, кружили над полем сражения, предрекая победы, и вскоре Онн объединил острова небольшого архипелага, став единым правителем этих земель.

Здесь такого правителя было принято называть не конунгом, а королем. И Онну понравилось это слово.

Часть вторая. Северные острова

Глава 4. Хэзер

Онн выбрал один из лучших замков, что носил славное имя Вальхольм, и поселился там, а через некоторое время туда прибыли и его родичи: кюна Ингрид и юная Бломме, супруга принца Олафа, ведь конунг и его брат не собирались возвращаться назад.

Золото, серебро, оружие, одежда, еда и питье – всего этого было достаточно теперь в подземельях замка, да и жизнь на островах куда лучше, чем на родных каменистых склонах, и хотя порой тоска по северу и сковывала сердце, конунг понимал – его дом теперь здесь, на этих землях, они щедрее, теплее, плодороднее и богаче.

Онн с гордостью показывал награбленное в походах своей сестре Бломме, та с восхищением разглядывала сокровища и ценные предметы, утварь, украшения, оружие, ткани, подобных которым никогда не видела раньше.

– Что скажешь? – произнес конунг, и голос его дрогнул от гордости, так сильно хотелось ему похвалиться военными успехами перед молодой женщиной, ставшей за эти годы еще красивее. Бломме развилась, теперь выглядела увереннее, ее движения приобрели грациозную плавность, но однако еще

сохраняла прелесть юности, возраст пока был не властен над ее светлым личиком и ясными синими глазами. Они медленно шли рядом вдоль раскрытых сундуков, что стояли в подземелье замка, вход туда был воспрещен всем, кроме самого конунга и его брата.

– Скажу, что добыча велика, – кивнула Бломме одобрительно. – Ты храбро бился и многого достиг! Ваши победы будут прославлять в веках. Теперь ты король на этих землях! Но... не пора ли остановиться? Сколько можно воевать? Не пора ли тебе зажечь собственный очаг, найти супругу? Не довольно уже проливать кровь? Не довольно грабить здешних жителей?

– Много ты понимаешь, женщина, – хмыкнул Онн, нахмурившись, от чего его брови сдвинулись к переносице, а лицо приняло суровое выражение, – Золото лишним не бывает! А жизнь каждого воина – в сражении. И цель воина – лишь победа. После смерти мы будем пировать с богами в залах Вальгаллы, потому что сражались и побеждали! А трусы и бездельники отправятся прямиком в Хельхейм!

– Не верю, чтобы человек, которому так нравятся мои висы, не понял моих слов, – покачала головой Бломме.

– Может, вздумаешь учить меня, сестра?! – в голосе конунга послышались железные нотки, он повернулся к ней, и она тут же отступила на шаг назад, испуганно покачав головой.

– Конечно, нет, брат. Я лишь хотела, чтобы ты задумался.

– Хватит пустых разговоров! – резко перебил конунг, – Сегодня соберем тинг, накопилось много вопросов. Там и выскажешься перед всеми, если тебе правда есть, что сказать.

Бломме печально кивнула, сожалея, что смысл ее слов не дошел до ушей правителя. Весь день она размышляла о том, стоит ли говорить перед воинами на тинге: кто она, чтобы указывать викингам, покорявшим дальние земли! Всего лишь женщина, не видевшая ничего кроме своего очага, знающая жизнь лишь по песням скальдов. Однако все же решилась, что если ее слова будут услышаны! Бломме попросила помощи у богини Саги, той, что лучше всех владела словом, той, кого она выбрала себе в покровительницы еще в раннем детстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.